

ПАРИЖСКИЕ КАНИКУЛЫ

Ранним утром 7 ноября прошлого года, когда моя родная страна в 74-й раз трепетала кумачами по ветру, я совершенно заспанная, дохлебывая пустой кофе, спешила на работу в комиссионный магазин в центр капиталистического Парижа — на бульвар Страсбург. Там рядом Залпадный вокзал, строгий стиль классицизма, от моей гостиницы с площади Републик до него минут пятнадцать на метро — и Собор, причинный рассвет барокко.

вокзал, я, ежедневно стремясь к своей цели, попадала в бесчисленные другие места. Вот опять пошла на улицу Варенн к мосту Александра III, а пришла на Страсбургский бульвар к комиссионному магазину арабского человека Ибраима! Странная случайность, наталкивающая на мысль, что если ты шла в музей, а пришла в «коммок», ты не идиотка, просто жизнь твоя непорочно рассчитана по клеточкам.

Я уже целый месяц стажировалась в Париже как журналист и кинокритик, с огромной, по моим понятиям, стипендией. График парижской жизни был забит, как разгаданный кроссворд буквами. С раннего утра до позднего вечера, грозившего перейти вновь в раннее утро, я работала в двух очень популярных еженедельниках «Пуан» и «Кавидю синема». По телефону-автомату я «списывала» с натурой только что увиденный сюжет репортажа, в большом количестве давала интервью любопытным коллегам, ездила за тридевять земель под проливным дождем на съёмочную площадку Версаля ради прекрасных глаз Жерара Депардье. Каждый раз кратко и ничтожно склоняла голову, переступая древний порог Сорбонны, приходя на лекции по киноискусству «Новой волны».

В Париже я жила счастливо и хотела немногого: выпастись и пешком отправиться в музей Родена на улицу Варенн. Но как Роденка Ерофеева, который каждый день собирался на Красную площадь, а приходил на Курский

не особенно искушенная Вика не поняла, отчего «любимый» так резко изменился на своей родной земле. То ли жена и трое детей сделали близкими и реальными, то ли русская девушка, впервые попавшая за границу и ошалевшая от живости Триумфальной арки и забытых зитсин, показала слишком незамысловатой. Но он быстро сказался занятым на службе и снял Вике за ее небольшие деньги очень дешёвую гостиницу, по мотивам самых печальных новелл Ги де Мопассана.

Клянусь, в городе Сыктывкаре я жила в лучшем номере. Не было у меня ржавой раковины на стене, раскошшего шкафа, страшного скрипящего в ночи, протекающего потолка и окривевшего от старости пола. И не было площади Бастилии под носом, нависающей на мысль, что ты не в Сыктывкаре, а в Париже, который богат для тебя! Через неделю «любимый» почти совсем исчез, а у Вики как раз кончились деньги. Обратный билет в Москву с открытой датой был, не было только чем заплатить за резервирование места. Опасаясь истратить на еду последние 30 франков, с французским языком после инья, проголодавшись и одинокая Вика пошла по сказочному Парижу в надежде наняться посудомойкой или продавщицей. На бульваре Страсбург нечаянно забрела в магазин Ибраиму и вмиг запала в его источающую запах сандала душу. Ибраим предложил Вике работу продавщицы себе в бузу, обещая каждый день платить по 250 франков из своего кармана. Через час-два исторически разных менталитета — белокурый и чернокурчавый — в кладовом помещении пили зелёный терпкий чай с шербетом, весьма довольные состоявшейся сделкой.

Сорокадвухлетний Ибраим — очень добрый, немного несуровый человек, в котором все с ног до головы какое-то уменьшительно-ласкательное. И только роскошная восточная душа — бездонна и широка. Ибраим справлялся без помощников, продавал шляпки с вуалетками, помнящими начало века, свитера и костюмы, меховые шубы и шелковые трусики с кружевами, сладко пропахшими «Шанелью». До удивления дешёвый товар приносил ежемесячно около 12 тысяч франков, отчего столичная жизнь становилась по карману. Арабы очень любят искать работу в Париже и здесь же бога-

ОСЕНЬ

теть. За высокомерие они недолюбливают французю, последние же редко соглашаются с тем, что только в стеклянных арабских закусокных так навязчиво глубоко запознаны в ноздри ароматы террейших соусов и только в тесных арабских лавочках до обморока пахнет сандаловым деревом!

В Париже перед 7 ноября во всех магазинах — от уличных до солидных — вместе с покупкой на счастье дают крохотный лотерейный билетик. С него нужно соскести серебристую краску и увидеть либо пустоту, либо названное подарка, который можно получить в любом магазине от уличного до солидного — например, в Галерее Лафайет, где первая в городе елка — к Рождеству. Билетик вместе с шоколадной булочкой мне вручили, но краску с него я так и не соскребла. А Ибраим со своего соскребл и увидел пустоту. Не намекал ли билетик, что вскоре стабильный доход владельца магазина пробыть до маленького, как горшочки, бреша. В 250 франков каждая.

Первую вместе с сердцем Ибраима пробила Вика, которая на следующую же ночь после нашего счастливого полуночного шатания по Парижу и прибежала ко мне в гостиницу заревавшая как белуга, прервав мой добросовестно начатые бдения над серьё-

езным отчетом. Пользуясь уникальными возможностями своей религии, Ибраим, оказывается, предложил ей стать его второй женой! Вика обалдела и отказалась, поднялся страшный скандал, и Ибраим выгнал ее из магазина без права возвращения.

...Вместо отчета о командировке было устно составлено горькое письмо восточному деспоту, где оскорбленная славянка простила доверием ко всему человечеству, растоптанному жалким сластолюбцем-капиталистом, пожелавшим купить за 250 грошей голубоглазую российскую душу, не потерявшую гордости ни под пятой монгольской иги, ни под обломками горбачевской перестройки.

Но в семь утра, нарушая покой дождливого утра и моего маленького отеля, в номер ворвался сам деспот, заревавший не меньше Вики. И не здороваясь, прямо с порога упал перед ней на колени, умоляя вернуться, хоть продававшей, хоть женой. (Слава Аллаху, который не позволил близости без брачного обета. Хотя чует мое сердце, в меру европеизированный Ибраим в глубинах своей восточной души готов был пойти и против заповедей. Но вслух об этом не заикнулся!) Услы Вика гулять под дождем, я долго и красноречиво втолковывала Ибраиму, как он был жесток, изычно интриговала, пространно намекала на печальный Викин роман и развясняла в общих чертах постулаты ортодоксальной православной церкви. Ну не можем мы быть второй женой. Только первой и единственной! Добрый Ибраим плакал как побитый ребенок, целовал мне руки, умоляя не оставлять Вика и хотя бы несколько свободных дней поработать вместе с ней в магазине. За 250 франков.

Вот так-то. Бывший член ВЛКСМ, сотрудница бывшей эковской газеты, как последняя эмигрантка! Однако успокоившаяся Вика пожала плечами: «А что особенного? Жена твоего патрона сюда не придёт, я надеюсь». Жена моего парижского патрона — шефа отдела кино журнала «Пуэн», мадам Паскаль, театровед, водившая меня, вечно сонную, на самые провалы и триумфальные премьеры того театрального сезона, по «комкам» действительно не ходила. («Я миллионер», признался во время нашей первой встречи Мишель Паскаль и расхохотался.)

Я тоже расхохоталась и побежала звонить своему старому

шись к вешалкам с пиджаками. Сама я сидела рядом со входом за символическим прилавком в виде столика с телефоном и улыбалась слаще, чем все продававшие Старого и Нового света, вместе взятые.

Ибраим учил меня, что, даже если война или если потолок обвалится мне на голову, я сквозь выстрелы за окном, выбравшись из-под обломков, должна буду, счастливо улыбаясь, спросить клиента: «Да, мсье, вы покупаете это?» Поэтому, когда мой первый посетитель, выбрав шубку, подошел ко мне со словами: «Моя жена каждый день покупает себе шубы», я, не очень вслушиваясь, с большой радостью спросила: «Да, мсье, вы покупаете это?» Он не ответил. Облокотившись на мой столик, поднял глаза — абсолютно остекленевшие, и медленно протянул: «Она так быстро растёт, моя жена. Каждый день, прямо с порога упала перед ней на колени, и увидела, как негр, так ничего и не выбрав, выходит на улицу. Мне бы хотелось, чтобы он еще побыл! Покупатель мой, впрочем, оказался тих и немногословен, зарылся в шубку носом и, непрерывно сопя, стал часто-часто ее нюхать. Тут я за беспокойлась: не осенила бы его некрасивая идея высморкаться в некупленный товар. Что бы на моем месте сделала коллега из ГУМа? Внезапно покупатель оторвал бледный нос от меха — просясь лицом и крикнул: «Но это ей уже мало, она опять выросла», бросил шубку на пол, потом повернулся и вышел. У меня уже начало портиться настроение, когда вернувшись вскоре Вика обнаружила пропажу двух пиджаков! Сомнений не было — их украл негр, потому как, кроме меня, его и психа в магазине никого не было. Мы с психом отпадали, значит — он! Правда, я предположила, что негр с психом, возможно, действовали заодно и псих меня мастерски отвлекал, но расстроенного Ибраима эта версия мало утешила. До вечера он так усердно вспоминал родителей негра, особенно его маму, что я почувствовала: завтра проснусь расисткой. Как и всякий добрый человек, ставший бизнесом, не превыше остальных, Ибраим, конечно, тужил не по украденным вещам (кража в магазине — вещь привычная), а по утраченной советии! Посетовав как следует, Ибраим ушел в кладовку и там предался «приеру». Так по-фран-

нарушал. Вика несколько раз встревоженно шептала мне в ухо: мол, Ибраим намекал ей, что не имеет права брать на работу без специального разрешения: а вдруг полиция! Вика очень боялась остаться на улице — второго такого Ибраима можно было и не встретить, «любимый» почти не объявлялся, а работу в Москве она потеряла и хотела перед возвращением скопить хотя сколько-то денег для мамы. Я утешала ее, справедливо полагая, что любовь сильнее полиции. Сама же как-то подумала: «Не угодить бы в участки!» Слава Богу, все шло нормально. И стоило Вике утром задержаться на полчаса, Ибраим тосковал: а вдруг она не придет! Но она, конечно, приходила. И он принимался хихикать и потирать руки. «Во козел, — раздосадованно говорила Вика, глядя печально на влюбленного араба, — что ж мне так везёт!»

Мы, однако, работали, и в три голоса одобряли полных покупателей: «Мсье, это ваша вещь!», «Мадам, как вы помолодели! Вы не доверяете зеркалу!», «Мадам, позвольте я прикину. На вас это сидит еще лучше!» Большинство упитанных верило нашему лукавству и уходило с покупками. Парижские коллеги звонили мне по вечерам, интересуясь, где меня носит целыми днями. Отвечала неизменно: в библиотеке. Пишу отчет. А сама принимала и раскладывала товар, развешивала, глядела, подшивала, охотно работала перепоручить эту работу более умелой Вике. Ибо сама, будучи работником умственного труда, могла поглядеть брики только любимому! Поэтому подвизалась менекенщицей. Примеряла старинные шляпки. (В одной из них, под густой черной вуалью, чутко попахивала нафталином, одиноко просидела полвечера в монмартрском кафе окнами на нежную Сакрекер, сама не знаю зачем. Усыпленная сиреневыми сумерками и аляповатыми акварельными сюжетами кисти мрачного незнакомца за соседним столиком. Никто не присел рядом. Никто не предложил обесмертвить мой профиль на куске старого холста. Кроме нежного и пьяного старичка — в шейном платке в пропахшую дылом клетку. Когда-то, по его словам, он был безумно увлечен любовницей Марка Шагала, на которую я, конечно же, ослепительно походил.) Влезала в какой-нибудь свитер, накидывала некогда дорожную шубку и медленно кружилась перед большим зеркалом в

И я пошла за водой, находя Викину сквозь зубы брошенную русскую фразу: «У, блин, швабра!» недостаточно сформулированной в отношении оригинала. Дама же выбрала норковую шубку, повертела в руках, пощупала ворсистый мех и потребовала, чтобы я надела ее. Довольно, впрочем, обычная просьба. Ибраим помчался включать музыку. Под Ива Монтана и крачущую стерву Жюли я закружилась перед зеркалом с миной человека, задумывавшего недоброе. В зеркале отразилась бледная белокурая Вика, блестящий шоколадный палантин и я, Золушка, с лицом убийцы. Тут дама дотронулась до меня кончиком зонта, своей волшебной палочкой, длинной, как сооружение Жана Эйфеля и... Нет, я не превратилась в крысу, зато дама громко спросила молчащего мужа: «Погляди, это рукав так плохо вшит или у нее плечо кривое?»

Интересно, что бы мне сделали в полицеском участке, огрей я эту «блин-швабру» ее же собственным зонтом!

В учебнике истории девятого класса начала 80-х было много написано про то, как в капиталистическом обществе унижают человека! Если бы это общество не произвело столько денег, и если бы мадам Паскаль так не любила бы меня, и если бы в моей собственной Отчизне не оскорбляли и больнее, и страшнее, на капитализме как на государственной системе надлежало бы поставить крест.

И потом в Отчизне всегда можно ответить обидчику громко и по-русски, а тут — молчи, храня честь хозяина, и танцуй свой медленный одинокий вальс за две с половиной сотни франков! Волла бы в эту минуту в магазин изыщанная мадам Паскаль, точно бы упала в обморок.

Зато вечером громко хохотал Даниэль Лорье, направляя свой белый лимузин вверх по социальной парижской лестнице — в шикарное заведение, в сравнение с которым «Мулен Руж» всего только запыленная фантазия большого воображения Лотрека. И представлял меня всем знакомым: «Натэла, московская журналистка, стажирует в «Кайе» и в «Пуан». Говорят, в тот вечер в вальсе была Катрин Денев, но я ее не видела. Зато, когда под утро, в платье не от Ибраима, касающемся подсвеченных изнутри ступеней, я спускалась к белому лимузину, Даниэль вспомнил:

ПАТРИАРХА

другу Даниэлю Лорье (солисту Гранд-Опера, ученику Мориса Бежара). Выслушав меня, Даниэль сказал: «У тебя всегда были замашки дочери работницы Путиловского завода». (Перевод мой, вольный). Но затем паразитил и все свалил на мою опасную профессию, оправдывающую аферы самого рискованного толка. Еще Даниэль вполне как-то посоветски заметил, что все работы в чем-то хороши, но лично он — сноб. И не уверен, что с удовольствием представит меня друзьям так: «А это моя подруга Натэла из России. Продавщица...»

Затем позвонила Вика, уже из магазина: Ибраим и его китайский друг пригласили нас в ресторан. «Я не могу идти одна, — взмолилась Вика, — между арабом и китайцем!» Посоветовав Вике скрывать националистические амбиции, я категорически отказалась. А вдруг мадам Паскаль...

Первыми моими покупателями, конечно же, не мог быть не кто иной, как сумасшедший и вор. Они появились как раз в ту минуту, когда Вика и Ибраим ушли покупать Вике подарок в знак примирения. Один вошел почти боком и принялся рыться в куче меховых манто. Второй появился минутой спустя — статный негр в синем беретике — и тут же исчез из поля моего зрения, отправив-

цуски он называл молитву, сотворенную своему родному Богу. Мне неловко было подсматривать, но я видела мельком, как он расстеливает ковер, снимает ботинки, становится на колени и лицо его успокаивается.

Господи всемогущий, прости вору прегрешение его, вольное и невольное. И мы простим, если хотим, чтобы нас простили. Господи, пошли нам всем душевный покой, смирение и благодать твою!

В дешевой магазин обычно немного народу: сколько таких магазинов по всему Парижу! Поэтому приходилось работать с утра до вечера, в субботу и в воскресенье. Покупатели со мной и с Викой обходились по-разному. Если вдруг узнавали, что иностранки, расспрашивали о России: «березка» и «Перестройка». Одна нершаливая, словоохотливая особа, страшная спекулянтка, по мнению Ибраима, все время предостерегала обеих москвичек от нежелательного зачатия: «Французы-то — о-го-го!». Иногда у Ибраима требовали наши документы и «сертификат д'оберже-ман» — вид на жительство, опасаясь невесты какого обмана. Ибраим страшно смущался, горячо убеждал любопытных, что закона не нарушает и краснел от неловкости и боязни, потому как закон

ритме одинокого вальса. Ибраим ради меня повадился приносить в магазин разные кассеты и «озвучивать» мои выходы на воображаемый «подиум». Я даже пыталась ставить ноги, как зайцевские модели. Как это у меня получалось? Бог весту, по-моему, как получалось, но Ибраим уверял, что четыре дня моей работы потрясли его чистейший и потребленный мирок, выбирательный тем, кто из всех французских фирм более всего почитает розово-голубую марку «Тати».

Но однажды, в последний день моего знакомства с новой профессией, в магазин Ибраима зашла совершенно чужая дама. С зонтиком, с мужем, и с прелестным четвероногим существом. Таксу звали Жюли, и всем своим изнеженным собачьим сердцем она олицетворяла только одно — каприз! Определен на глаз положение дамы, хозяин бросился подставлять стул. А барышня Жюли начала кукуськаться и грызть пропылесосенный Ибраимом палас! «Вы не видите, что ей не по себе, — выставляя вперед нацеленный на меня зонт, произнесла дама голосом своей хныкающей собачонки, — дайте ей пить в конце концов!» (За точность перевода здесь и дальше ручуюсь). Мы с Викой замерли, а Ибраим, ласково поведав черными, как ночь, глазами, повторил: «Натэла...».

«Слушай, — сказал он, — а у нас в театре требуется посудомойка, 250 франков в день. Ты как?»

Суррогат из кругов... Впрочем, встреча со злой дамой не прошла для меня даром: я получила положенное вознаграждение и захотела домой!

На следующий вечер проклятый график моей жизни вновь раздирався по минутам, и я, опаздывая, бежала по Елисейским полям в киноklub «Канон». А пошла на Красную площадь. Зелёные горящие русские буквы «Аэрофлот резанули глаза. И в коленках похолодело, как при встрече с психом. За стеклом русской авиакомпании собранная из мозаики, на диво чистая и какая-то олимпийская, по-летнему светилась моя ныне осенне-зимняя Родина. И в углу огромный царствовал или ютился, улыбаясь мне, ее первый Патриарх... И этот его приют казался вечным и сподобным, ибо спешащие мимо люди не стремятся переделять ни свою, ни тем более чужую историю. А я стояла и стояла, все больше опаздывая на замечательный фильм Мориса Пилла «Ван Гог», из-за хорошо промывого отражения Красной площади, от которой и до моего дома, и до Курского вокзала была рукой подать.

Натэла МЕСХИ.
ПАРИЖ — МОСКВА.

Знаки и символы

с. 12-13

304

305